

Одобрение святого престола

Aila Less

Aila Less

Одобрение святого престола

«Автор»

2025

Less A.

Одобрение святого престола / А. Less — «Автор», 2025

1485 год, Рим. В сердце христианского мира появляется немецкий доминиканец Генрих Крамер – фанатичный инквизитор, одержимый идеей искоренения ведовства. Он жаждет получить папскую буллу, чтобы его чудовищный трактат «Молот ведьм» стал официальным руководством для всей Европы. Его методы – изощрённые пытки и поиск «дьявольских знаков» – шокируют даже выдавших виды римских инквизиторов. Когда один из ярых критиков Крамера найден мёртвым, а все улики указывают на демоническое вмешательство, расследование приходится вести его главному идейному противнику — гуманисту из папской курии Лоренцо де Медичи, дальнему родственнику знаменитого флорентийского рода. Лоренцо, презирающий мракобесие Крамера, вынужден погрузиться в самый мрак Рима: от сияющих дворцов, где кардиналы ведут подковёрные войны, используя фанатика как орудие, до грязных трущоб и застенков инквизиции.

© Less A., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Яд для ума.	5
Глава 2. Божий бич	9
Глава 3. Салон отравленных умов	14
Глава 4. Диспут	18
Глава 5. Клеймо дьявола	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Aila Less

Одобрение святого престола

Глава 1. Яд для ума.

Воздух в личных покоях кардинала Джованни был густым и сладким. В нём витал запах старого воска от запечатанных писем, дорогого ладана из утренней мессы и едва уловимый шлейф испарений от благовоний, которые курились в углу, чтобы перебить затхлость каменных стен. Лоренцо де Медичи стоял у стрельчатого окна, взирая на внутренний дворик Ватикана. Его пальцы, тонкие и нервные, перебирали тяжёлые складки бархатного занавеса. Внизу, в колодце двора, два монаха в рясах цвета запёкшейся крови о чём-то горячо и тихо спорили, и их голоса сливались в единый, неразборчивый гул.

– Его зовут Генрих Инститор, или, на наш манер, Крамер, – раздался за его спиной спокойный, отточенный голос, в котором ясно читалась сталь.

Лоренцо медленно обернулся. Кардинал Джованни, племянник Папы, восседал за массивным ореховым столом, который больше походил на баррикаду, возведенную из свитков, пергаментов и рассыпанного сургуча.

– Я слышал, Ваше Преосвященство, – Лоренцо сделал несколько шагов к столу, его тень легла на развернутый пергамент с гербом какого-то тосканского графа. – Об этом человеке уже слагают... тёмные легенды.

Кардинал не поднял глаз, продолжая выводить на документе изящный росчерк. Его перо скрипело с раздражающей методичностью.

– Легенды? – Уголок рта Джованни дёрнулся в чём-то, отдалённо похожем на улыбку, но лишённом всякой теплоты. – Не приукрашивай, Медичи. Говори прямее. Здесь, за этими стенами, ходят слухи. Слухи о жестокости, граничащей с безумием. Он наконец отложил перо и, взяв массивную печать, с сухим, решающим шелчком вдавил её в сургуч. – Он требует у моего дяди официальной буллы. Чтобы его «Молот ведьм» стал для всей Европы не просто советом, а законом. Этот фанатик видит дьявола в каждой кривой ветле и в каждой строптивой жёнке.

Лоренцо взял со стола тяжёлые песочные часы, переворачивая их в руках.

– И Святой Отец его примет? – спросил он, глядя на песок.

– Политика, – отрезал Джованни, и в его голосе впервые прозвучала усталая резкость. – Немецкие князья жалуются на ересь, которую мы здесь, в Риме, в упор не видим. Их епископы слишком мягки, или слишком ленивы. Его Святейшество должен продемонстрировать... рвение. Он откинулся на спинку кресла, и кожаный полог с тихим скрипом принял его вес. – Но присутствие этого человека здесь – всё равно что запустить дикого кабана в бальный зал. Один неверный шаг – и он растопчет всё, что мы так тщательно выстраивали годами: союзы с Францией, торговые привилегии для Флоренции, даже хрупкое перемирие с неаполитанским королём. Ты ведь понимаешь, что стоит за этим «рвением»? Деньги. Немцы хотят, чтобы мы дали им карт-бланш конфисковывать имущество «ведьм» и их семей. А конфискованное пойдёт не в папскую казну, а прямым ходом в карманы местных епископов и князей. Мой дядя не может отказать открыто – иначе его обвинят в потворстве дьяволу.

– Его методы – яд, Ваше Преосвященство, – тихо, но с непоколебимой твердостью сказал Лоренцо, ставя часы на место. Он встретил взгляд кардинала. – Его трактат – это не богословие, это... руководство для палача. Пошаговая инструкция по тому, как болью и страхом превратить невинную старуху в посланницу Сатаны.

Кардинал внимательно смотрел на него, его холодный, оценивающий взгляд скользил по лицу Лоренцо, выискивая слабости.

– Именно потому ты и здесь, – наконец произнёс он. – Его рвение – опасный огонь. Его нужно контролировать. Наблюдать. Ты – мои глаза и уши, Лоренцо. Твой флорентийский ум, твои связи при дворах Франции и Испании... сейчас это ценнее, чем копыя целого легиона. Ты ведь уже читал отрывки из его книги, что переслал нам нунций из Инсбрука? Там целые главы о том, как «правильно» пытать женщину, чтобы она призналась в совокуплении с инкубом. Он даже придумал особый «тест водой» – если утонет, значит, невиновна, а если выплывет – сжечь. И это хочет благословить сам Наместник Христа.

Он облокотился на стол, сцепив пальцы.

– Мы не можем позволить этому варвару опозорить Святой Престол и перевернуть наши собственные игры с ног на голову. Понятно?

Лоренцо медленно кивнул. В груди у него сжалось знакомое чувство – тяжёлый клубок, сплетенный из брезгливого презрения, холодного долга и предчувствия надвигающейся бури.

– Я понимаю, – негромко произнёс он.

Выйдя от кардинала, Лоренцо де Медичи погрузился в шумное, кишашее жизнью чрево Апостольского дворца. Бесконечные анфилады залов и коридоры были похожи на замысловатый лабиринт, выточенный из власти и золота. В тени высоких аркад сновали клерки в потёртых сутанах, их лица были искажены озабоченной спешкой, а в руках они сжимали кипы бумаг. Из-за тяжёлых резных дубовых дверей доносились обрывки пламенных речей и сдержанных переговоров на латыни, итальянском и ломаном немецком.

«...и он просит двадцать тысяч дукатов за епископство в Калабрии! За эти деньги можно купить весь этот нищий регион вместе с жителями!» – неслось из-за одной из створок.

«Тише, Бернардо, ради всего святого! Стены имеют уши, а слуги – языки! К тому же, архидиакон Орсини уже предложил двадцать пять...» – второй голос понизился до зловещего шёпота, и Лоренцо ускорил шаг.

Затем его путь лежал через ещё пахнущую свежей штукатуркой и известью Сикстинскую капеллу. Под гигантскими сводами, где уже начинали проступать углём могучие контуры будущих фресок, царил прохладная, почти звенящая тишина. Её нарушали лишь размеренные, металлические шаги швейцарского гвардейца, эхом отражавшиеся от голых стен. Лоренцо остановился на мгновение, запрокинув голову. На лесах, уходящих в полумрак купола, трудились десятки подмастерий, но его взгляд притянули уже написанные фигуры сивилл и пророков. Рука дерзкого флорентийца, Буонарроти, наделила их языческой, почти дикой силой, плоти и крови, которые так яростно отрицал аскетичный догматизм Крамера.

Но стоило ему свернуть в узкий, полутёмный служебный проход, ведущий к его келье-кабинету, как возвышенное сменилось откровенным и грязноватым бытом. Воздух здесь пах не ладаном, а кислым вином, луком и влажной шерстью ряс. И тут же, буквально наткнувшись на него, проскрёб старый монах. Тот, увидев Лоренцо, вздрогнул всем телом, и его иссохшее лицо исказила паника. Он судорожно попытался прижать к боку небольшой холщовый свёрток, из которого проступало тёмное, маслянистое пятно. От свёртка тянуло горьким миндальным запахом трав и чем-то едким, химическим – Лоренцо сразу узнал запах цикуты и белладонны. Аптекарь-отравитель? Или просто старый лекарь, боящийся инквизиции за «запрещённые снадобья»?

– Простите, отец... я... я заблудился... – залепетал старец, и его испуг был столь искренним и жалким, что у Лоренцо на мгновение кольнуло что-то вроде жалости.

– Ничего, брат. Смотри под ноги, – сухо, без всякого сочувствия ответил Лоренцо, отступая в сторону, чтобы пропустить дрожащую фигуру.

Они разошлись в тесном коридоре. Лоренцо, не оборачиваясь, слушал, как затихают его торопливые, шаркающие шаги. Сжав руку в кулак, он резко развернулся и почти бегом под-

нялся по узкой витой лестнице, ведущей на маленькую, залитую слепящим солнцем лоджию. Это был его тайный уголок, место, где можно было перевести дух.

Перед ним, как на ладони, внезапно и величественно, раскинулся Вечный Город. Бесконечное, колышущееся на знойном мареве море охристых и терракотовых черепичных крыш, прорезанное тёмными ущельями улиц. Там, внизу, кипела своя жизнь, далёкая от папских булл и инквизиторских трактатов. А дальше, за рекой, застыли в молчаливом величии руины Империи – тени Колизея и Императорских форумов, тонущие в золотистой дымке.

Лоренцо глубоко, полной грудью вздохнул, вбирая в себя сложный, многослойный воздух Рима. Он был пропах пылью веков, сладковатым дымом тысяч очагов, цветущими апельсиновыми деревьями из ватиканских садов и едва уловимым дыханием Тибра. Он стоял так, опершись о тёплый камень парапета, чувствуя, как солнце прогревает его напряжённые плечи, и слушал далёкий, убаюкивающий гул города – гимн жизни, который фанатики вроде Крамера стремились заглушить криками на кострах.

Вглядываясь в дымку, стелившуюся над римскими крышами, Лоренцо вдруг ощутил, как память – этот верный предатель – швырнула его на десятилетие назад, во Флоренцию, в тот самый день, когда рухнула его юность...

...Он, двадцатилетний юноша, сжимал кулаки на балконе палаццо Медичи. Внизу, на площади Синьории, под восторженные крики толпы, пылали «костры тщеславия». Пламя лизало изящные переплёты, пожирая страницы, написанные рукой Боккаччо, иллюминированные манускрипты с поэзией Данте, философские трактаты, которые его дед, Козимо, собирал по крупицам. Рядом, опершись на посох, стоял его отец, Пьеро. Не «Подагрик», каким его запомнит история, а Пьеро Сломленный.

– Они жгут будущее, Лоренцо, – прошептал отец. – Мой отец верил, что знание спасёт мир. А эти фанатики верят, что знание его погубит. И, кажется, они побеждают.

Горечь подступила к горлу Лоренцо. Он шагнул ближе к перилам, стиснув кулаки.

– Мы должны что-то сделать! – вырвалось у него. Голос дрогнул, сорвался на почти мальчишеский крик. – Прикажи гвардии разогнать их!

Пьеро горько усмехнулся:

– И пролить кровь флорентийцев? Чтобы меня назвали тираном?

Он отвёл взгляд к площади, где багровое пламя взметалось всё выше.

– Нет, сын мой, – произнёс Пьеро глухо. – Иногда нужно отступить, чтобы сохранить саму идею. Наше оружие – не мечи, а влияние. А сегодня... – он горько выдохнул, – сегодня его у нас не осталось.

В тот вечер Пьеро слег, чтобы уже не подняться. А Лоренцо поклялся себе, что никогда больше не будет так беспомощен.

Мысленно возвращаясь в настоящее, он провёл рукой по шершавому камню парапета. После смерти отца его судьбой занялся двоюродный дядя – Лоренцо Великолепный. Именно он, всего за несколько лет до своей кончины, определил его роль. Перед внутренним взором вновь ожил кабинет дяди – просторный, обитый гобеленами, с запахом старого дерева и воска. У окна, под мутным светом, Лоренцо Великолепный разливал густое, почти чёрное вино. Болезнь уже подтачивала его силы, но глаза всё ещё горели той самой хищной, ясной решимостью, перед которой склонялись короли.

– Флоренция – это слишком мало для нас, племянник, – сказал он, медленно вращая кубок в руке. – Слишком ненадёжно. Один проповедник с горящими глазами способен обратить в пепел то, что создавалось поколениями. Нам нужны союзники. И влияние там, где рождаются решения.

Он указал пальцем на разложенную перед ним карту Италии.

– Папство, – произнёс тихо, с какой-то почти благоговейной насмешкой. – Вот сердце мира. Не самое здоровое, но всё же сердце. Там решается, что будет с нашей верой... и с

нашими душами. Я отправляю тебя туда, Лоренцо, как садовника, который должен посадить наши семена в этой... благодатной почве.

– Садовником? – горько усмехнулся Лоренцо-младший. – Среди этих интриганов и святош? Дядя, наше место здесь, среди искусства, среди поэзии!

Лоренцо Великолепный тихо вздохнул, поставил кубок на стол и на мгновение прикрыл глаза.

– Искусство – это цветы, – ответил он устало, но твёрдо. – Прекрасные, но хрупкие. Они не выживут там, где правит грубая сила. Если мы не будем направлять эти силы, однажды снова придут свои Савонаролы и сожгут наши сады дотла.

Он поднял взгляд, и голос его стал почти шёпотом:

– Твоя задача – слушать, учиться, и защищать интересы семьи...

Он откинулся на спинку кресла, его пальцы сомкнулись вокруг рукояти кинжала, лежавшего среди бумаг.

– Мой отец, твой дед, поднимал нашу семью из грязи, опираясь на две опоры: золото и мудрость. Я потратил жизнь, чтобы добавить к этому третью – красоту. Теперь твой черёд.

Спускаясь с залитой закатным светом лоджии обратно в сумрачный лабиринт дворцовых коридоров, Лоренцо де Медичи чувствовал, как с его плеч ложится невидимая, но осязаемая мантия. Он был уже не просто дипломатом, не тайным агентом, исполняющим поручение. Он чувствовал себя наследником. Наследником банкиров и меценатов, тиранов и философов, людей, пытавшихся вылепить из жестокого мира нечто утонченное и осмысленное. И теперь, когда из северных туманов явился новый Савонарола в лице Крамера, он был полон решимости не расплескать хрупкое наследство разума в грязных коридорах ватиканской власти. Он будет сражаться их же оружием – интригой, золотом, кинжалом в тени. Чтобы сады, возвращенные его предками, не обратились в пепел.

Глава 2. Божий бич

Костлявая кляча под Генрихом Крамером, вся в пене и мыле, судорожно вздрагивала боками, едва переставляя ноги на крутом подъёме. Пыль, взметённая её копытами, висела в знойном воздухе густым облаком, прилипая к потному лбу, грубой шерстяной сутане, въедаясь в поры. Доминиканец откинул капюшон, и его глаза, холодные и бездонные впились в открывшуюся панораму.

Рим. Город раскинулся в долине, залитый ослепительным, почти белым полуденным солнцем. Но это был не гордый оплот веры, каким он должен был быть, а чудовищный, раскинувшийся на километры хаос. Десятки куполов и сотни колоколен вонзались в небо, а меж них торчали чёрные скелеты древних руин. Над всем этим висел смрад – невыносимая смесь вони от тысяч нечистот, выплёскиваемых прямо на мостовые, пряного дыма кузниц, сладковатой гнили с берегов Тибра и едкого запаха человеческих тел. Воздух гудел от гула толпы, криков торговцев, скрипа повозок и звона колоколов. Для Крамера этот гул был не голосом жизни, а коллективным стоном одержимых, хором бесов, ликующих в этом земном аду.

– Вавилон, – беззвучно прошептал он, и его тонкие губы искривились в гримасе отвращения.

Перед его внутренним взором, наложившись на пышные контуры римских куполов, встал иной, призрачный пейзаж. Деревня где-то в Швабии. Заброшенная хижина на отшибе, пропахшая кислым молоком, потом и невыносимой близостью смерти. Он, молодой монах, ещё не инквизитор Крамер, а просто брат Генрих, призванный облегчить уход дряхлой старухи. Она лежала на жесткой соломе, её тело под грубым одеялом было легким, а кожа насквозь просвечивала синевой. Дыхание её булькало где-то глубоко в гортани, и каждый вдох давался с трудом. И тогда, за мгновение до конца, её остекленевший, полный неземного ужаса взор устремился на него. Сухие, потрескавшиеся губы шевельнулись, но вместо молитвы или последнего покаяния он услышал хриплый шёпот, пахнувший могильным холодом. Она назвала имя. Не святого, а старого демона с которым, как призналась, заключала союз долгие годы, чтобы не болел скот, а ненавистный сосед сдох от лихорадки.

Тогда, в смраде той хижины, для него рухнула стена между миром видимым и невидимым. Дьявол был не аллегорией из богословских споров. Он был тут, в каждой травинке, в каждом вздохе отчаяния, в самой человеческой плоти, готовой продать вечную душу за сиюминутную выгоду или избавление от боли. Рим с его мрамором и шёлком был лишь той же хижинкой, но в тысячу раз больше, развратнее и опаснее. Здесь дьявол не прятался в тени, он восседал на золотом троне, и ему поклонялись, называя его "культурой", "разумом", "красотой".

Это воспоминание, всплывшее из глубины лет, не смягчило его, не пробудило и тени сомнения. Напротив, оно закалило его решимость, превратило её в булат. Там, в сумраке немецких лесов, он боролся лишь с отдельными, частными симптомами вселенской заразы. Здесь же, в самом сердце разложения, в этом средоточии мировой скверны, он сможет, наконец, добраться до её источника.

Он не видел величия, он видел симптомы болезни. Языческие храмы, переосвящённые в церкви, но несущие в своих камнях память о старых богах. Разряженные патриции, восседавшие на носилках, с лицами, изъеденными пороком. Свободно похаживающие по улицам евреи в своих жёлтых шапках. И повсюду – женщины. С распущенными волосами, с вызывающими улыбками, с нескромными взглядами. Весь город представал рассадником порока, оплотом ереси – столицей мира, продавшей душу дьяволу за мишурный комфорт и звенящее золото.

Его маленький кортеж – он сам и его юный спутник, брат-францисканец фра Амброджо, бледный и испуганный, – миновал ворота и углубился в лабиринт улиц. Народ расступался

неохотно, бросая на сурового монаха из-под севера насторожённые, враждебные взгляды. Не доезжая до замка Святого Ангела, у какой-то полуразрушенной арки, движение замерло. У стены, на корточках, сидел облезлый бродяга в лохмотьях и горланил похабную песню, переиначивая слова церковного гимна. Пьяный хохот окружающих был ему наградой.

Крамер замер. Его лицо оставалось неподвижным, но глаза вспыхнули таким холодным огнём, что фра Амброджо невольно отступил, наткнувшись на круп своей лошади. Юный францисканец чувствовал, как его собственная вера, столь простая и ясная в тишине монастырского сада, начинает трещать по швам, сталкиваясь с этой леденящей, безжалостной уверенностью. Он видел того же бродягу – жалкого, нищего, падшего человека, нуждающегося в милостыне и проповеди. Крамер же видел в нём сосуд, сосуд, наполненный нечистотами, который следовало не мыть, а разбить, чтобы яд не расплодился дальше. Эта разница в видении вселяла в душу фра Амброджо больший ужас, чем любая уличная жестокость.

– Схватить его, – прозвучал тихий, но отчётливый, прорезающий шум улицы приказ.

Римские стражники, сопровождавшие их, замешкались, переглянулись. Один из них, коренастый мужчина с медальоном на груди, неуверенно шагнул вперёд.

– Отец, это просто пьяный дурак. Их здесь дюжины. Не стоит обращать внимания.

Крамер медленно повернул голову в сторону стражника. Его взгляд, тяжёлый и неумолимый, заставил мужчину замолчать.

– Нет большей ереси, чем кощунство, и нет большей опасности, чем безнаказанное кощунство на глазах у толпы, – его голос был ровным. – Этот «дурак» плюёт в лицо Господу. Его смех – это хохот ада. Схватить. Его ждёт допрос.

В голосе его была такая стальная, богоизбранная непоколебимость, что римские стражники, вопреки своему обычному снисхождению к уличному сброду, повиновались почти машинально. Авторитет, исходивший от этого худого доминиканца, был тяжелее и ощутимее их собственных алебард.

Через десять минут в прохладном и мрачном подвале караульного помещения у арки пахло не только сыростью и плесенью, но и едким, животным страхом. Бродяга, которого звали Чекко, уже не пел. Он съёжился у стены, обливаясь холодным потом, его пьяный кураж испарился без следа, сменившись первобытным ужасом перед необъяснимой и стремительной жестокостью. Крамер стоял перед ним, неподвижно, лишь его длинные, бледные пальцы перебирали чёрные зёрна чётков.

Луч света, пробивавшийся сквозь решётку у потолка, выхватывал из полумрака пляшущие пылинки и застывшее в гримасе ужаса лицо Чекко.

– Ты пел, – начал Крамер без всякого предисловия. Его голос был ровным и безразличным. – Ты осквернял святые слова, данные для молитвы, превращал их в гимн плоти. Кто научил тебя этой песне? Чей голос шептал тебе её на ухо?

– Ник-никто, святой отец! Клянусь всеми святыми! – залепетал Чекко, и его глаза, полные слёз, бегали от неподвижного лица инквизитора к мрачным фигурам стражников. – Я просто... вино было прокисшее... голова кружилась...

– Ложь, – мягко, почти сочувственно произнёс Крамер. – Это не ты пел. Это дьявол, нашептывающий из глубин твоей падшей души, вселился в тебя и говорил твоим языком. Он водил твоей глоткой. Признайся в этом. Признай его присутствие, и тогда твоя душа, быть может, обретёт шанс на спасение в очищающем пламени.

Он сделал едва заметный кивок стражникам. Те, с каменными, отрешёнными лицами, двинулись вперед. Никаких сложных орудий, щипцов или дыбы не потребовалось – лишь грубая верёвка и простой рычаг, принцип которого не менялся со времён Древнего Рима. Они скрутили Чекко исхудалые руки за спиной сыромятным ремнём и начали медленно, с отлаженной методичностью подтягивать его вверх. Плечевые суставы затрещали с тихим, влажным хрустом. Сначала Чекко взвыл – от боли и полного непонимания происходящего. Затем, когда

связки натянулись до предела, его крик сменился хриплым, захлёбывающимся стоном, свистящим выдохом, в котором не осталось ничего человеческого.

Фра Амброджо отвернулся, прижав ко рту дрожащий кулак. Его горло сжал горький спазм, в глазах потемнело. Он слышал, как по каменному полу зашлёпали сапоги стражников, как хрустнули суставы, и этот звук был для него невыносимее любого крика. Римские стражники, выдавшие в своих трущобах и поножовщину, и пожары, смотрели в замшелый камень пола, избегая встречаться взглядом друг с другом. Их закалённые, привыкшие к грубому уличному насилию лица были бледны. Они никогда не видели, чтобы пытку применяли так... буднично. Без пьяной злобы, без горячего гнева, без личной мести.

– Имя того, кто научил тебя этой песне, – продолжал Крамер тем же ровным, назидательным тоном. – Или имя того духа, что вселился в тебя и оскверняет твой язык. Дьявол – трус. Он не терпит боли, исходящей от сотворённой Богом плоти. Он обязательно выдаст себя.

– Нет никого! Клянусь душой моей матери! – выкрикнул Чекко, и слёзы, смешиваясь с грязью и потом, ручьями потекли по его щекам, падая на земляной пол. – Я один... я всё выдумал...

Крамер слегка вздохнул, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на лёгкое разочарование учёного, чей эксперимент дал очевидный, но неинтересный результат.

– Упрямство, не поддающееся здравому смыслу. Верный признак глубокой одержимости. Бес укрепился в нём прочно.

«Именно так всегда и происходит», – с холодным удовлетворением думал Крамер, наблюдая за конвульсиями бродяги. Сначала отрицание, потом ложь, а когда боль становится невыносимой – признание во всём, что ни предложишь. Дьявол не выносит страдания плоти, ибо плоть – творение Божие, а он – лишь разрушитель.»

Его мысли перенесли в прошлое – в душную, пропахшую страхом залу инквизиционного трибунала в Инсбруке. Местный епископ, человек слабый и слепой, осмелился тогда усомниться в его методах, крича о нарушении процедуры, о недостатке доказательств. А потом – женщина на дыбе, тот же скрип лебёдки, тот же влажный хруст... и признание, вырванное болью. Признание не только в колдовстве, но и в соращении того самого, «добродетельного» епископа. Стоило лишь копнуть поглубже – и извлекаешь на свет целую переплетённую паутину порока.

Его взгляд упал на фра Амброджо, который стоял, прижавшись к стене, с лицом смертельно больного человека. Именно через таких малодушных, таких слезливых дьявол и проникает в самые стены Церкви. Они готовы проливать слёзы над одним замученным бродягой, но слепы к тысячам душ, которые тот мог бы увлечь за собой, своим порочным примером.

Пытка длилась недолго. Ещё минута такого методичного натяжения – и связки могли лопнуть, а кости выйти из суставов. Крамер, точно отмерявший порог человеческого терпения, коротко кивнул. Стражники разом ослабили верёвку. Чекко рухнул на землю, как мешок с костями: его тело билось в беззвучных рыданиях, прерываемых хриплыми захлёбами.

И тут, сквозь хрипы, прорвался сдавленный, надломленный голос:

– Ладно... ладно... я скажу... Он... он являлся... в образе чёрного пса... с горящими глазами... – Чекко захлёбнулся слезами, пытаясь перевести дух. – А ещё... я видел... в подвале у моста... они собирались... старуха Марта... и тот... тот поэт, что ходит в синем плаще... Леллио... они все там были... все поклонялись...

Он умолк, без сил раскинувшись на грязном полу.

– Он признался, – чётко и громко объявил Крамер, обращаясь к бледному фра Амброджо и потупившимся стражникам. Его голос не дрожал, в нём не было и тени сомнения. – Своим упорством, отрицающим очевидное, он публично признал власть над собой нечистого духа. Заточите его. Мы продолжим допрос после долгой и усердной молитвы. Господь, в своём милосердии, укажет нам путь к очищению этой падшей души.

Он развернулся, и грубая шерсть его сутаны свистнула в спёртом воздухе. Не оглядываясь на сломленного, всхлипывающего человека на полу, он направился к выходу. На его лице, освещённом тусклым лучом с улицы, не было ни тени жестокости, ни отблеска садистского удовольствия. Была лишь абсолютная, леденящая душу уверенность в своей правоте и ясность видения.

Возвращение в свою келью в монастыре Санта-Сабина было для Крамера возвращением в оплот порядка. Голые каменные стены, грубый стол, соломенный тюфяк – здесь всё дышало суровой аскетичной практичностью, составлявшей разительный контраст с утончённой испорченностью Рима. Фра Амброджо молча последовал за ним, всё ещё не в силах вымолвить ни слова. Его пальцы судорожно сжимали и разжимали край рясы.

– Успокой свой дух, брат, – произнёс Крамер безразличным, ровным тоном, снимая сутану и аккуратно складывая её на табурет. Он двинулся к умывальнику и начал медленно омыwać руки, смывая с них невидимую скверну улиц.

– Но... этот человек... – с трудом выдавил фра Амброджо, глядя в каменный пол. – Он был так жалок и незащищён... Разве Христос не призывает нас к милосердию?

– Христос изгонял бесов! – Крамер резко обернулся, и капли воды с его пальцев брызнули на каменные плиты. – Он не гладил их по голове и не предлагал им чашку вина! Он приказывал им выйти! Именно потому дьявол и избирает таких! – его голос гремел под низкими сводами. – Он находит тех, кого все презирают, кого все считают ни на что не годным отребьем, и вселяет в них свою отраву! Расчёт прост – чтобы мы, ослеплённые ложной жалостью, закрывали глаза на зло, притаившееся в их душах! Запомни раз и навсегда: жалость к одному одержимому есть предательство по отношению к тысячам праведников, которых он может увлечь за собой в адское пламя!

Он подошёл к своему дорожному сундуку, откинул тяжёлую крышку и извлёк оттуда стопку исписанных листов – черновые наброски, комментарии, дополнения к его «Молоту».

– Сегодняшний день был первым семенем, брат Амброджо. Семенем, которое мы бросили в удобренную грехом почву этого города. Этот бродяга – лишь первая, самая слабая былинка на поле, которое предстоит выжечь дотла. За ним последуют другие. Те, кто смеялся. Те, кто попустительствовал. Весь этот Рим, утопающий в роскоши и пороке, должен очнуться от спячки и понять, что за ним наблюдают. Что за каждым кощунственным словом, за каждым богохульным взглядом последует немедленная и неотвратимая кара.

Крамер опустил на стул за столом, его длинные, бледные пальцы легли на стопку бумаг.

– Я составил предварительный список. Имена тех, о чьей пагубной деятельности до меня доходили слухи ещё в германских землях. – Он отхлебнул воды из глиняного кувшина. – Кардинал Альдобрандини... о нём говорят как о яром защитнике «гуманистов» и «вольнодумцев». Его имя постоянно всплывает, когда речь заходит о противодействии священному долгу Инквизиции.

Он провёл пальцем по следующему имени.

– Изабелла дель Карретто. Вдова осуждённого еретика Карло. Мне донесли, что в её палатце под видом литературного салона собирается весь цвет римского вольнодумия. Там читают запрещённые книги, пересказывают труды казнённых философов и, без сомнения, плетут заговоры против истинной веры. Её салон – рассадник интеллектуальной чумы, куда опаснее простого колдовства. Она – сердцевина той гнили, что мы должны выжечь.

Фра Амброджо с нарастающим ужасом смотрел на Крамера. Впервые до него дошел весь размах замысла. Речь шла не об одном нищем бродяге – речь шла о тотальной войне со всем городом, со всей его структурой.

– Но... кардиналы... сам Папа... они никогда не дадут своего согласия...

– Они дадут, – без тени сомнения перебил его Крамер. – Они дадут, потому что я предлагаю им простой и ясный ответ на все их сложные вопросы: во всём виноват дьявол, а я – единственный, кто знает, как с ним бороться.

Он отодвинул в сторону черновики и достал чистый лист пергамента. Окунув перо в чернильницу, он начал выводить ровные, безошибочные строки.

– А теперь оставь меня. Мне необходимо составить донесение для папской канцелярии. Первый допрос на римской земле выявил признаки глубокой одержимости и подтвердил настоятельную необходимость применения чрезвычайных процедур. И... – он на мгновение поднял взгляд на фра Амброджо, – приготовь всё необходимое. Завтра утром мы нанесём визит кардиналу Альдобрандини. Пора напомнить ему, что защита еретиков – преступление, немногим меньшее, чем сама ересь.

Глава 3. Салон отравленных умов

Воздух в палаццо дель Карретто был густым, томным и пряным. Он впитывал в себя запахи растопленного воска от бесчисленных свечей в хрустальных канделябрах, терпкий аромат дорогого табака, привезённого с Востока, и едва уловимый, но стойкий шлейф духов – тяжёлой амбры и нежной фиалки, смешавшихся в одно благоухание. Свет, льющийся из высоких окон, терял свою дневную ярость, смягчённый тяжёлыми шёлковыми шторами цвета старой крови, отчего в зале царил зыбкий, таинственный полусумрак. В этом мерцающем свете среди фресок с пастушьими сценами, собрались те, кого в иных кругах называли «отравленными умами».

Изабелла дель Карретто, хозяйка этого интеллектуального убежища, стояла у высокого окна, за которым угасал римский вечер. Струящийся сумрак наполнял зал, и лишь несколько свечей в массивном канделябре боролись с наступающей тьмой, отбрасывая трепетные тени на фрески с пастушьими сценами. В её длинных, бледных пальцах она держала тонкий, потрёпанный временем манускрипт.

– Он писал, – её голос, низкий и мелодичный, легко резал застывшую тишину, – что звёзды – это не просто блуждающие огоньки, прикованные к хрустальным сферам.

Она сделала небольшую паузу, давая этим еретическим словам проникнуть в сознание слушателей, позволив им родить в умах новые, пугающие и прекрасные образы.

Тишину нарушил робкий, почтительный голос, прозвучавший из самого угла комнаты:

– Простите, что перебиваю, синьора... Это правда, что он считал звёзды другими солнцами?

Все взгляды обратились к говорившему. Это был Маттео, переплётчик. Низкорослый, тщедушный человек в скромном, но чистом платье горожанина, он сидел на краешке табурета, в стороне от блестящего общества. Его приглашали как искусного ремесленника, чьими услугами пользовались многие здесь присутствующие, но за все вечера он едва ли произнёс и десяток слов.

Изабелла повернулась к нему, и суровое выражение её лица смягчилось. Она ценила этого молчаливого человека, чьи пальцы, вечно испачканные клеем и чернилами, бережно дарили книгам новую жизнь, спасая их от тлена.

– Да, Маттео, это правда, – подтвердила она, и её голос приобрёл тёплые, ободряющие ноты. – Он считал, что у каждого из этих далёких солнц могут быть свои собственные миры, свои земли и небеса.

– Миры... – с благоговейным ужасом прошептал переплётчик. – Тогда... тогда выходит, мы не одни во Вселенной? И творение Божье... оно... безгранично?

– Именно так, друг мой, – твёрдо подтвердила Изабелла. – Безгранично и прекрасно в своём бесконечном разнообразии.

– А я... я как раз на прошлой неделе закончил переплетать одну небольшую книжицу для монсеньора Фадрике, – Маттео нервно облизнул губы, понизив голос до конфиденциального шёпота, который, однако, был слышен в настороженной тишине. – Там тоже были... опасные мысли. О движении крови в теле человека, о том, что она не стоит на месте, а движется по кругу, гонимая чем-то. Я... я рискнул оставить себе черновик, листы, предназначенные для уничтожения... Теперь, слыша ваши слова, я думаю... Скажите, это грех – хранить такое знание? Или больший грех – уничтожить его?

Его наивный, но исполненный глубокого, экзистенциального смысла вопрос повис в воздухе, и на мгновение в зале воцарилась полная тишина, более красноречивая, чем любые дискуссии.

– Церковь боится разума, ибо разум ставит под сомнение слепую веру! – горячо воскликнул синьор Леллио, вскакивая с кресла, словно желая громкими словами отогнать сомнения, посеянные тихим голосом переплётчика.

Изабелла же в это время медленно переводила взгляд с одного гостя на другого. Её глаза скользнули по худощавой фигуре поэта Леллио с его горящими глазами фанатика, чьи вирши, полные скрытых намёков на пантеизм, расходились по городу в дорогих рукописях. Затем взгляд переместился на монсеньора Фадрике, на его лицо учёного крота, и на юного графа Орсини, пожирившего глазами то её, то переплётчика. И наконец, она вновь посмотрела на Маттео, на его простодушное, испуганное, но пытлиное лицо.

– И за эти мысли, – продолжила Изабелла, и её голос стал твёрже, – за эту дерзость разума, Пьетро да Луго был объявлен еретиком и сожжён на площади Цветов.

Она положила манускрипт на инкрустированный столик, и её пальцы на мгновение сжались в кулак. В памяти её, непрошено, всплыло ослепительное пламя, жар, бивший в лицо, и чёрный, корчащийся силуэт на фоне огня. Но это был не Пьетро. Это был Карло. Её муж. Та же площадь, те же восторженные и испуганные крики толпы, тот же едкий, навсегда въевшийся в память запах горячей плоти и дерева. Скрытая боль, старая и всё ещё острая, как заноза, шевельнулась глубоко в груди. Она взяла с того же столика хрустальный бокал и сделала глоток густого, тёмного вина, чтобы смыть подступивший к горлу горький ком.

– Церковь боится разума, ибо разум ставит под сомнение слепую веру, – горячо воскликнул синьор Леллио, вскакивая с кресла. – Она требует подчинения, а не вопроса «почему?». Она хочет послушных овец, а не мыслящих людей!

– Осторожнее, друг мой, – тут же пробормотал монсеньор Фадрике, бросая быстрый, беспокойный взгляд на резную дубовую дверь. Он поправил на переносице пенсне. – Стены, как известно, имеют уши, а слуги, увы, слишком часто обладают длинными и болтливыми языками. Даже самые, казалось бы, преданные.

В этот момент тяжёлая дубовая дверь в гостиную, бесшумно отворилась, и проёме возникла тёмная, подтянутая фигура управляющего, Бенедетто. Его обычно невозмутимое лицо было неестественно бледным, а в глубине умных, обычно спокойных глаз плавала неприкрытая тревога. Он скользнул по персидскому ковру, подошёл к Изабелле и, склонившись в почтительном поклоне, тихо прошептал ей на ухо несколько фраз.

Изабелла не дрогнула. Только её зрачки резко сузились, а губы на мгновение сжались в тонкую, жёсткую линию. Она медленно выпрямилась во весь рост, и её холодный взгляд скользнул по лицам гостей, застывшим в немом вопросе.

– Господа, – произнесла она, и её голос, утратив прежнюю мелодичность, прозвучал звеняще-чётко. – Похоже, к нам в Рим пожаловал неожиданный гость. Немецкий инквизитор. Генрих Крамер.

Эффект был мгновенным. Синьор Леллио, ещё минуту назад плывавший праведным гневом, побледнел и невольно отшатнулся. Монсеньор Фадрике судорожно, почти машинально перекрестился, и его старческие, испачканные чернилами пальцы отчаянно дрожали.

– Крамер? Тот, кто написал «Молот ведьм»? – прошипел юный Орсини. – Но зачем... зачем ему Рим? Что ему нужно в этом городе?

– Он приехал за одобрением Папы, – ответила Изабелла, не сводя с них холодного, испытывающего взгляда. – Он жаждет, чтобы его трактат, этот чудовищный свод палаческих инструкций, получил папскую буллу. Чтобы он стал не просто мнением, а законом. Для всей Европы.

– Это конец! – воскликнул Фадрике, и его голос, не выдержав напряжения, сорвался на высокий, почти женский фальцет. Он снова судорожно перекрестился. – Он... он вынюхает нас здесь за неделю! Наши беседы, наши книги... Этот фанатик объявит всё это сатанизмом! Он выжжет всё дотла!

В комнате поднялся приглушённый гул – взволнованные возгласы, полные страха и паники, сплетались в тревожный хор. Изабелла наблюдала за ними, и в её душе боролись два чувства. Страх – тот самый, холодный и знакомый, что когда-то свел в могилу её Карло. И острое, жгучее презрение – к этой всеобщей трусости, к этой готовности согнуться при первом же намеке на угрозу.

Она резко стукнула хрустальным кубком о мраморный выступ камина. Пронзительный звон заставил всех вздрогнуть и замолчать, уставившись на неё.

– Нет, – её голос прозвучал твёрдо. – Это не конец. Это начало. Если мы сейчас разбежимся по своим норам, как испуганные мыши, мы сами подпишем себе приговор. Мы признаем его правоту одним своим страхом.

Она медленно обвела взглядом комнату, бросая вызов каждому из присутствующих, заставляя их встретиться с её глазами.

– Этот человек считает, что мысль – это ересь. Что знание – это грех. Он хочет погрузить весь мир во тьму невежества, вырвав ему язык и разум. И если мы, те, у кого есть и ум, и голос, и положение в этом обществе, не противостанем ему сейчас, то кто же тогда сможет?

Она решительно подошла к столу и снова взяла в руки потрепанный манускрипт Пьетро да Луго, держа его как знамя.

– Они сожгли его книги. Но идеи, как феникс, всегда возрождаются из пепла. Они сожгли моего мужа. – В её голосе не дрогнула ни одна нота, лишь зазвенела холодная, отточенная сталь решимости. – Но его смерть не остановила меня. Она сделала меня сильнее.

Юный граф Орсини, до этого момента слушавший её внимательно, робко поднялся.

– Синьора Изабелла... прошу прощения, но я слишком молод и не застал тех событий. За что именно... казнили синьора Карло?

Изабелла закрыла глаза на мгновение. Когда она вновь открыла их, в них стояла не боль, а холодная ясность.

– Карло не призывал к бунту и не отрицал Бога, Альберто. Он всего лишь переводил труды арабских учёных по оптике и астрономии. В своих заметках он написал, что "Бог дал нам разум, чтобы мы познавали Его через изучение законов мира, а не только через молитвы". Этого оказалось достаточно. Его обвинили в том, что он ставит человеческий разум выше божественного откровения.

Она горько улыбнулась, и продолжила:

– На суде он сказал одну фразу, которая и стала его окончательным приговором: "Я верю, что когда-нибудь люди вычислят траектории планет так же точно, как архитектор вычисляет нагрузку на арку". Инквизитор назвал это "дьявольской гордыней, стремящейся измерить Бога циркулем".

Монсеньор Фадрике печально кивнул, поправляя пенсне.

– Я был на том процессе, синьора, – тихо произнёс он, и в его голосе звучала не только скорбь, но и уважение. – Ваш супруг держался с поразительным, поистине стоическим достоинством.

Его слова, тихие и весомые, стали тем мостом, который соединил прошлую боль с настоящей решимостью. Горечь утраты и гнев претворились в стальную твёрдость.

– Пусть его мужество станет и нашим, – прозвучал её голос, очищенный от дрожи, наполненный новой силой. – Мы не будем прятаться. Наш салон останется открытым. Мы будем говорить, спорить и мыслить громче, чем прежде. Потому что наше оружие – это разум. А его оружие – страх. И я не намерена позволить страху победить. Ни в этом доме, ни в этом городе, ни в этом мире.

– Это безумие! – вскричал синьор Леллио. – Вы предлагаете нам подписать себе смертный приговор! Этот Крамер не философ, с которым можно поспорить! Он... мясник!

– Именно поэтому мы и должны оставаться здесь, – парировала Изабелла. – Потому что если такие люди, как мы, разбегутся, то кто останется? Только те, кто будет молчаливо соглашаться или тех, кто уже согласен. Мы – последний рубеж.

Маттео, переплётчик, неуверенно поднялся.

– Синьора... я простой человек. У меня есть семья. Но... – он потянулся к своей потрёпанной сумке и достал оттуда томик в потёртом кожаном переплёте. – Я оставлю Лукреция у вас. Если уж гореть книгам, пусть горят там, где их ценят.

Этот простой жест вызвал новую волну обсуждений.

– Может, стоит на время приостановить наши собрания? – осторожно предложил монсеньор Фадрике. – Переписку вести тайно... Сменить формат...

– И тем самым признать свою вину? – Изабелла покачала головой. – Нет. Мы просто будем осторожнее. Бенедетто, – она повернулась к управляющему, – удвой бдительность слуг. Никаких новых лиц без моего личного разрешения. И чтобы никто из домашних не болтал на стороне.

– Слушаюсь, синьора.

– А я, – неожиданно заявил юный Орсини, – буду приходить чаще. И приведу своего двоюродного брата. Он служит в папской гвардии. Пусть видит, что мы не заговорщики, а люди, умеющие мыслить.

Когда гости разошлись и в зале осталась лишь она одна, Изабелла подошла к окну и раздвинула тяжёлую портьеру. Ночь опустилась на Рим. Там, в лабиринте тёмных улиц и площадей, угасали последние огни. Где-то в этой густой тьме, под сенью чужих монастырских стен, уже обосновался тот, чьё имя она сегодня слышала шепотом, – человек, мечтавший обратить весь этот живой, грешный, мыслящий мир в пепел и страх. Этот страх уже витал здесь, в её доме, он прятался в потупленных взглядах гостей и в паузах между их словами.

Она вспомнила последнюю ночь перед арестом Карло. Они сидели в этой самой комнате, и он, смеясь, говорил:

– Знаешь, возможно, через сто лет какой-нибудь учёный докажет, что Земля вертится вокруг Солнца, и все эти мракобесы будут выглядеть полными идиотами.

Она помнила, как холодная полоса страха пробежала тогда по её спине.

– А тебя это утешает? – спросила она, и её собственный голос показался ей слабым и беззащитным.

Он повернулся к ней, и лунный свет выхватил из полумрака его ясные, спокойные глаза. В них не было ни тени надежды, лишь горькая, чистая ясность.

– Нет, – честно ответил он. – Меня это не утешает. Но это... придаёт какой-то смысл.

Изабелла вздрогнула, возвращаясь в холодное одиночество настоящего. Призрачный образ растаял, оставив после себя лишь щемящую пустоту и вкус старой боли на губах. Она с силой отпустила портьеру, и бархат с глухим шорохом сомкнулся, вновь отгородив её от спящего города.

Глава 4. Диспут

Зал Консистории был холоден, несмотря на тёплый день. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь высокие витражные окна, дробились на пёстрые блики, которые ложились на мозаичный пол с изображением рыбы-ихтиса, но не могли прогнать могильную сырость, веками впитавшуюся в стены. Воздух был наполнен запахом старого камня, вощёного дерева длинного стола и тонким ароматом ладана, не способным перебить атмосферу напряжённого ожидания.

За столом, на резных дубовых креслах, восседали пятеро кардиналов. В центре – кардинал Джованни, его молодое лицо было непроницаемой маской вежливого интереса. Рядом с ним, справа, сидел кардинал Альдобрандини, седовласый и суровый, с орлиным профилем и горящими глазами аскета. Остальные трое сохраняли нейтралитет, их руки в перстнях лежали на столе неподвижно.

Лоренцо де Медичи стоял у стола, чувствуя на себе тяжесть их взглядов. Он был одет в тёмное, скромное платье дипломата, но его осанка выдавала флорентийскую гордость. Напротив него, в своей заношенной чёрно-белой рясе доминиканца, возвышался Генрих Крамер. Он не суетился, не нервничал, и его присутствие наполняло комнату давящей, нечеловеческой уверенностью.

Кардинал Джованни едва заметным движением кисти разрешил начать. Лоренцо сделал шаг вперёд, отчётливо сознавая, как его голос, чёткий и ясный, наполняет пространство под холодными сводами зала.

– Ваши Преосвященства. Вопрос, который мы собрались здесь обсудить, лежит не в области веры. Вера наша незыблема. Речь идёт о методе. Трактат отца Крамера, «Молот ведьм», предлагает рассматривать колдовство не как грех заблудшей души, ещё способной к искуплению, а как следствие сознательного договора с дьяволом. И доказать этот договор, согласно трактату, можно лишь одним путём – причинением физического страдания.

Лоренцо на мгновение задержал взгляд на лице Крамера, и продолжил:

– Но позвольте спросить: разве боль является мерилем истины? Разве человек, истязаемый пыткой, не готов подтвердить любую, даже самую нелепую ложь, лишь бы его мучения прекратились? Мы рискуем казнить не еретиков, а тех, кто всего лишь слаб духом и телом. Мы будем сжигать невиновных, приняв их отчаянные крики за признание.

Крамер не стал дожидаться формального приглашения или права реплики. Его голос, низкий и резкий, прорезал воздух с сильным германским акцентом:

– Слабость духа – это и есть распахнутые врата для дьявола! Вы рассуждаете как книжный гуманист, синьор Медичи, заигрывая с языческой философией, тогда как на кону стоят бессмертные души! Колдовство – это не просто бытовой грех! Это ересь высшего порядка, «*crimen exseptum*» – исключительное преступление, при расследовании которого обычные правила суда не действуют!

Он шагнул навстречу Лоренцо, его глаза горели холодным фанатичным огнём.

– Дьявол хитёр, он мастерски скрывает свои следы. И лишь боль, дарованная нам свыше для вразумления плоти, способна сорвать с одержимых его личину! Скажите, синьор, вы предлагаете вести учтивые беседы с чумой? Или же выкапывать её смертоносный корешок с корнем?!

– Я предлагаю учиться отличать больного от одержимого! – парировал Лоренцо, чувствуя, как горячий гнев начинает подступать к его горлу, но он сдерживал его силой воли. – Простая крестьянка, знающая свойства целебных трав, – не ведьма. Дряхлый старик, бессвязно бормочущий на своём смертном одре, – не колдун. Ваш метод, отец Крамер, не ищет виновных. Он их фабрикует. Вы сначала создаёте в своём воображении чудовищный образ врага, а потом

находите его черты в каждом, кто чем-то выделяется, в каждой женщине, которая оказалась недостаточно почтительна к соседу, имеющему на вас личный зуб!

– Вы... вы защищаете их?! – голос Крамера взметнулся, и в нём впервые прозвучала явственная, леденящая эмоция – чистое, неистовое убеждение. – Вы, стоящий в самом сердце Святой Церкви, берёте под свою защиту слуг сатаны? Ваши слова отдают серой, синьор! Эта ваша снисходительность, это ядовитое сомнение в реальности дьявольских козней – это и есть та самая ересь, что разъедает Италию изнутри, как ржа! Вы слепы, и ваша слепота... она смертельно опасна!

В зале повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Кардиналы переглядывались, и в их взглядах читалась тревога, замешательство, а у некоторых – и нескрываемое одобрение. Лоренцо видел, как пальцы кардинала Джованни, лежавшие на подлокотнике, сжали резную ручку кресла до побеления суставов. Он уже собирался с мыслями, чтобы вступить в спор с новой силой, но в этот момент с места поднялся кардинал Альдобрандини.

– Довольно! – его голос, старческий, с хрипотцой, но полный неоспоримой внутренней власти, прозвучал под сводами подобно раскату грома. – Я слышу эти кошмарные, эти чудовищные бредни и отказываюсь верить собственным ушам!

Он уставился на Крамера, и его пронзительный, острый взгляд, казалось, мог бы испепелить на месте.

– Вы, отец Инститор, принесли в Рим, в колыбель веры и разума, какую-то дикую, варварскую, сектантскую одержимость! Вы говорите о дьяволе так, будто он всемогущ, будто он сильнее самого Господа нашего! Вы превращаете святые Таинства исповеди и покаяния в гнусный фарс, подменяя милость Божью скрипом щипцов и затягиванием верёвок!

Крамер, собравшись с духом, попытался вставить слово, его рот уже приоткрылся, но Альдобрандини властно, почти яростно перебил его, резко взмахнув иссохшей рукой:

– Молчите! Я читал ваш «Молот»! Это не богословский трактат – это подробное пособие для параноика и садиста! А ваши так называемые «доказательства» – эти «ведьминские сосцы», эта «нечувствительность к боли» – это порождение больной, разгорячённой фантазии, не имеющее ничего общего ни с верой, ни с реальностью!

Он сделал шаг вперёд, и его фигура, несмотря на возраст, казалась внезапно выросшей.

– Вы хотите превратить нашу Святую Церковь в гигантскую, бездушную тварь для убийств, где любой может погубить жизнь любого другого простым, анонимным намёком! Это не ревность о вере, отец Крамер! Это безумие, отец мой, опасное безумие, которое мы не намерены допустить в стенах Вечного Города! Ваши методы – это позор для святой Инквизиции и для всего христианского мира!

Слова кардинала повисли в воздухе, раскатистые и беспощадные. Даже Крамер на мгновение остолбенел перед яростью старого прелата. Лоренцо почувствовал в груди короткий, яркий прилив надежды. Но его взгляд случайно встретился со взглядом кардинала Джованни, и он увидел в глубине тех холодных глаз не одобрение, не поддержку, а лишь трезвый, отстранённый расчёт. Джованни наблюдал, взвешивал, оценивал силу нанесённого удара и тщательно анализировал реакцию обеих сторон.

И прежде чем кто-либо успел что-либо сказать, Крамер оправился. Он не отступил и не дрогнул под градом обвинений. Напротив, его лицо, искажённое на мгновение, вновь окаменело, превратившись в непроницаемую маску.

– Ваше Преосвященство, – его вопрос прозвучал на удивление тихо, – отрицает, таким образом, саму возможность сознательного договора человека с дьяволом? Вы отрицаете то, что является частью учения Церкви на протяжении многих веков? Вы ставите под сомнение авторитет множества святых отцов и теологов, подробно писавших об этой страшной реальности?

Он медленно перевёл взгляд с Альдобрандини на других кардиналов, бросая семя сомнения в плодородную почву их страхов.

– Тогда, быть может, – продолжал он с ледяной вежливостью, – истинная ересь кроется не в моих методах, призванных это зло обличить и искоренить, а в тех, кто это зло попросту отрицает, закрывая глаза на его реальность, пока оно ползёт по нашей земле, отравляя души?

Альдобрандини побагровел. Гнев заставил кровь прилить к его старческому лицу, но слова застряли в горле. Он понял ловушку. Спор о методах, о границах допустимого, Крамер мгновенно и мастерски превратил в спор о догматах, в теологическую дуэль, где любое сомнение в его чудовищной интерпретации можно было выставить как сомнение в самих основах веры, в авторитете Церкви.

В этот момент мягко, но властно вмешался кардинал Джованни. Он поднял руку, небрежным жестом призывая к тишине и порядку.

– Благодарю всех за столь... ревностно высказанные мнения, – произнёс он, его ровный, дипломатичный голос стал глотком холодного воздуха в накалившейся атмосфере. – Вопрос, вне всякого сомнения, сложен и требует глубокого, молитвенного осмысления. Позвольте на сегодня объявить аудиенцию оконченной.

Кардиналы начали подниматься с мест. Крамер, не удостоив больше никого взглядом, резко развернулся и направился к выходу. Но Лоренцо, движимый внезапным, жгучим порывом, нагнал его в просторном, эхом отдающем предзале.

– Отец Крамер! – его голос прозвучал резко, нарушая церемонную тишину. – Позвольте задать вам вопрос!

Доминиканец остановился, и медленно повернулся.

– Вы уже задали достаточное количество вопросов сегодня, синьор Медичи, – произнёс он безразличным тоном. – И получили на них ответы. Правда, судя по всему, они вас не удовлетворили.

– Речь сейчас не о богословских догматах, – твёрдо парировал Лоренцо, намеренно понизив голос, чтобы их не слышали расходящиеся прелаты. – Речь о вчерашнем происшествии у арки Святого Марка. О человеке по имени Чекко.

– А, тот одержимый, – равнодушно отозвался он. – Интересно, как до вас так быстро дошли эти слухи? Или, быть может, вы сами находились в той самой толпе, что с одобрением внимала его кощунствам?

Лоренцо проигнорировал явную провокацию, чувствуя, как гнев начинает сжимать его горло.

– Мне сообщили, что вы подвергли его... допросу. И что теперь он находится под стражей. На каком основании? За пьяную песню?

– Основание, – голос Крамера стал тише, почти интимным, но от этого лишь опаснее, – есть Воля Божья, явленная в Священном Писании и трудах святых отцов Церкви. «Ворчуна и богохульника предай смерти». Это не мои слова, синьор. Это слова Господа. А то, что вы столь легкомысленно называете «пьяной песней», было сознательным и публичным актом служения дьяволу. Этот человек не просто пел. Он приносил священные слова молитвы в жертву своему истинному господину.

Лоренцо почувствовал, как холодная ярость подступает к его горлу.

– Мне также сказали, что в процессе этого «дознания» ему вывихнули плечо. Это и есть ваш метод «спасения души», отец Крамер? Калечить тело, чтобы исцелить душу?

– Вы всё ещё не понимаете, с чем имеете дело, – Крамер сделал шаг вперёд, и его высокая, худая фигура бросила тень, накрывшую Лоренцо. – Вы видите изувеченную плоть. Я же вижу – и видел вчера воочию – как под воздействием праведной боли из этой самой плоти изгонялась нечистая сила. Да, он страдал. Но разве Христос не страдал на кресте ради нашего спасения? Страдание – это очищение. Это божественный инструмент, данный нам в руки. Этот человек был одержим. И боль заставила беса проявить себя.

– И каким же именно образом он проявил себя? – ядовито спросил Лоренцо, не отступая.
– Показал ли он вам рога? Или, быть может, ваши палачи просто услышали то, что хотели услышать?

Крамер вдруг улыбнулся.

– Он признался. Чётко и недвусмысленно признался, что дьявол являлся ему в образе чёрного пса и научил его той самой песне. Признался, что видел собственными глазами, как другие жители его квартала поклоняются тёмному владыке в подвалах возле Тибра. Он назвал имена, синьор Медичи. Конкретные имена тех, кто ещё вчера считались добрыми и набожными католиками. Мы начинаем с малого – с пьяного бродяги. А приходим к целой сети еретиков, опутавшей этот город. Это и есть настоящее расследование.

Лоренцо отшатнулся, на мгновение поражённый до глубины души чудовищной откровенностью этой тактики. Он понял всю стратегию. Один случайный арест, выбитое под пыткой признание, и вот уже появляется первый список «сообщников». Которых тоже будут пытать, пока они не назовут новые имена. Запущен маховик репрессий, который практически невозможно остановить.

– Вы создаёте бесконечную цепь, сплетённую из лжи, – сдавленно прошептал он. – Где каждое новое звено – это чья-то сломленная болью воля к жизни.

– Я разрываю вековую цепь всеобщего греха, – без тени сомнения парировал Крамер.
– И если для этого требуется применить очищающую силу к нескольким её звеньям – что ж, благо целого всегда дороже спасения частного. Запомните это, синьор де Медичи. И хорошенько подумайте, на чьей вы стороне в этой войне. На стороне тех, кто под маской гуманизма и снисходительности защищает слуг тьмы? Или на стороне Господа, чьё терпение отнюдь не безгранично.

Он снова повернулся, чтобы уйти, но на прощание бросил через плечо, не оборачиваясь:

– Кстати, одно из имён, что назвал тот бродяга... Оно, я полагаю, может быть знакомо и вам. Некий поэт, синьор Леллио. Говорят, он читает свои... многозначительные стихи в некоторых светских салонах. Было бы чрезвычайно любопытно узнать его мнение о природе зла. Что называется, из первых уст.

С этими словами он окончательно удалился, его тень скользнула по стене и исчезла в дальнем проёме, оставив Лоренцо в ледяном, гулком одиночестве посреди роскошного предзала.

Глава 5. Клеймо дьявола

Каменная келья в доминиканском монастыре Санта-Сабина была такой же аскетичной, как и её временный обитатель. Ни свечей, кроме одной огарковой, воткнутой в подсвечник на грубо сколоченном столе. Ни ковра на холодном полу, лишь соломенная подстилка в углу. Воздух гудел от зноя, но здесь, в этой каменной коробке, висел затхлый холод, пахнувший пылью, потом и железом. Генрих Крамер стоял на коленях, но не в молитве. Его костлявые пальцы сжимали края стола до побеления суставов. За закрытыми веками он вновь и вновь видел надменное лицо Лоренцо де Медичи и побагровевшее от ярости лицо кардинала Альдобрандини.

«Одержимы» – слово родилось в его сознании безмолвно и окончательно. Не просто заблудшие, не просто грешники. Именно одержимы. Тот самый дух гордыни, что шепчет им о превосходстве их «разума» над Откровением. Тот самый дух лжи, что заставляет отрицать реальность воинства тьмы. Они не просто противники – они проводники, рупоры, плоть, захваченная врагом. И он, Крамер, видел свою миссию с предельной ясностью: выжечь эту заразу, даже если придётся прижечь саму плоть, чтобы спасти душу.

Тихий, но настойчивый стук в дверь вывел его из глубокого транса. В келью, скрипнув тяжёлой дверью, вошёл фра Амброджо. Лицо молодого францисканца было серым от усталости и непрожитого ещё отвращения.

– Отец... её привели, – его голос сорвался на шёпот. – Женщина по имени Тереза. С фермы у Фламиниевых ворот. Соседи обвиняют её в... в наведении порчи на ребёнка. Ребёнок местного скотовода. Шепчут, что она наслала на него «дурной глаз».

– Готовь инструменты, – отрывисто бросил Крамер, не глядя на послушника, и тяжёлой поступью вышел в тёмный коридор.

Подвал под монастырской кухней встретил их ледяным, насыщенным сыростью дыханием. Влага сочилась по грубо отёсанным камням стен, смешиваясь с запахом старой золы, плесени и чего-то прокисшего. В центре, при свете двух чадающих факелов, закреплённых в железных кольцах, стояла, прижавшись спиной к стене, женщина. Лет сорока, одетая в грубое, всё в заплатках платье. Её волосы, выбившиеся из-под платка, были спутаны. Она не плакала и не молилась, лишь смотрела на вошедшего монаха огромными, полными животного ужаса глазами.

Рядом, на массивном столе, обычно служившем для разделки туш, был развёрнут длинный кожаный рулон. На нём ровными рядами лежали странные, отполированные частым использованием инструменты: длинные стальные иглы разной толщины, напоминающие вязальные спицы, тупые щипцы, тонкие серебряные ланцеты и странный предмет, напоминающий шило с ограничителем.

Крамер подошёл к женщине вплотную. Он не смотрел ей в глаза, его безразличный взгляд скользил по её фигуре, изучая, выискивая отметины.

– Дьявол метит своих, – произнёс он ровным, лишённым всякой эмоции голосом, обращаясь скорее к бледнеющему фра Амброджо, чем к самой Терезе. – Он оставляет на их коже знаки – места, утратившие чувствительность, через которые они вскармливают своих демонических отпрысков. Эти знаки могут быть скрыты от глаз невежественных. Их нужно найти. Это наша обязанность.

– Я ни в чём не виновата, святой отец... – прошептала женщина, и её голос, сорвавшийся на хрип, был полон такой бездонной тоски, что фра Амброджо невольно отвел взгляд. – Клянусь Девой Марией... я лишь готовила травы от лихорадки...

– Молчи, – холодно и окончательно перебил её Крамер. – Твои клятвы ничего не стоят. Ложь – твой родной язык, на котором ты общаешься с миром.

Он коротко кивнул стражнику, неподвижно стоявшему у двери. Тот, с мрачным, отрешённым лицом, тяжело ступая, подошёл и грубо схватил женщину за руки, прижимая её к стене. Она не сопротивлялась, её тело внезапно обмякло, парализованное всепоглощающим страхом.

– Начнём с осмотра, – объявил Крамер.

Он взял со стола самую толстую иглу. Фра Амброджо резко отвернулся, сглотнув ком, подступивший к горлу. Крамер подошёл вплотную к женщине и без единого слова, коротким резким движением, с силой вонзил иглу ей в плечо, чуть ниже ключицы. Тереза взвыла – коротко, пронзительно, затем её крик сменился прерывистыми рыданиями. Из прокола медленно выступила алая капля и потекла по бледной коже.

– Чувствительно, – констатировал Крамер бесстрастно, вынимая окровавленную иглу. – Следовательно, здесь его отметины нет.

Он двигался дальше. Игла вонзалась в предплечье, в ладонь, в бедро. Каждый раз – новый вскрик, новая дрожь, новая капля крови, проступавшая сквозь грубую ткань платья. Фра Амброджо стоял, впиваясь ногтями в ладони, его губы белели, беззвучно шепча слова молитвы. Воздух в каменном мешке стал вязким и тяжёлым, насыщенным парами слёз, пота и едким, непередаваемым запахом чужого страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.